

Этот город для меня как соперник. Он вызывает во мне спортивную злость, ощущение непрерывного спарринга. Оно возникло с самого начала, когда я приехал сюда двенадцать лет назад делать карьеру в бизнесе; и она получилась фантастически стремительной. Сейчас такое невозможно. Сейчас требуются особое образование, информация, принадлежность к слоям... Ты менеджер? Ты работаешь с нефтью? Значит, ты должен стажироваться на Лондонской бирже, иметь диплом одной из трех бизнес-школ, иначе тебя не пустят. С тобой просто не станут разговаривать. А тогда мог явиться парень из глубинки, вчерашний завлит провинциального театра, и заключить первый же свой контракт о поставке нефти на двенадцать миллионов долларов. Но тогда все в России было так. И в России, и в Москве. Была дичь... В фильме «Москва» есть реалии, которые дают удивительное впечатление той эпохи. Например, сцена, когда Балуев стоит на стройплощадке в монтажной каске, черном дорожном костюме, поверх которого наброшен бушлат, в окружении балерин в пачках и бушлатах. Этот урод, который нап...дил миллионы или срубил их на каких-нибудь наркотиках, строит балетную школу! Вот образ, вот герой того времени.

Тот, первый, раунд я выиграл. Через полгода жизни в столице я смог позволить себе купить такую квартиру, какую тогда хотел. На «Белорусской», в одном из самых красивых сталинских домов в столице. Там был сплошной ампир: восьмиугольная зала, пять окон, два проема, двойной эркер, дубовый паркет. Почему ампир? Для провинциала, только приехавшего в Москву, именно он является ее олицетворением. С чем он контактирует в первую очередь? С тем, что агрессивнее всего. А в Москве агрессивнее всего ампир. Это доминанта. Это акцент. Оказываешься на площади трех вокзалов и не обращаешь внимания на прелестное шусевское здание Ярославского вокзала, потому что все заслоняет высота гостиницы «Ленинград». В метро — снова красоты сталинского дизайна: колонны, мрамор, бронза. Вначале именно это было для меня Москвой, такой я ее ощущал, с такой взаимодействовал, такую побеждал... Был страшным тусовщиком. Мне нужно было разобраться с этой гламурной журнально-хроникальной столичной тусовкой, почувствовать ее. Разобрался, почувствовал. Сейчас прихожу на любой великосветский раунд, осматриваюсь и на двадцатой секунде понимаю: кто, что, с кем и зачем. Я вижу по большей части несчастных, запряженных, закомплексованных мужчин и хищных женщин. Таких же закомплексованных и несчастных. Деньги — это очень-очень-очень сильное испытание.

Люди врут, когда говорят о деньгах. Врут почти всегда и по-разному. Они хотят казаться либо беднее, либо богаче. У меня есть знакомый, весьма и весьма состоятельный, который систематически берет деньги в долг, причем берет так, чтобы об этом все знали, для чего занимает не у одного, а у нескольких человек. И к нему относятся с жалостью: ему больше заплатят, с него меньше возьмут. Кто-то блефует иначе: живет за МКАД, в ужасной съемной квартире, скрывает это, а все свои деньги вкладывает в «Мерседес» и хороший костюм. В городе он

хорошо одет, у него престижная машина, у него дорогая обувь, чего, скорее всего, нельзя сказать о его нижнем белье. Таких персонажей полно.

Третий вариант столичного нуворища — скупой рыцарь. У меня есть знакомый, довольно богатый и знаменитый, он не может платить в ресторане. Физически не в состоянии заставить себя совершить этот акт ни при каких обстоятельствах. Это фантастика. У него или не оказываются купюры, или ему нужно именно в этот момент в туалет, как в дешевых анекдотах, или он начинает интенсивно общаться по телефону. Но самым убогим мне кажется новый тип российского аристократа. Я недавно был в компании, где восемь взрослых людей с несколькими образованиями, с миллионами на банковских счетах, молодых, красивых, три часа кряду говорили о вине. Не об экстагическом воздействии, не о радостях, с ним связанных, а о качестве — о привкусе, о запахе. Если на минуту отвлекались, то отвлекались на какие-то ужасные описания горно-лыжного или морского курорта. Новые русские в малиновых пиджаках давно остались только в анекдотах. Сейчас они завязывают галстук от Вивьен Вествуд с таким изяществом, которое и не снилось англичанам, проводят отпуска в съемных шале или на Ривьере. И три часа говорят о вине. Это меня безумно пугает. Я не хотел бы такого сценария для России и для Москвы в частности. Мне больше нравится Нью-Йорк с его отсутствием аристократизма, где владелец крупной компании позволяет себе не носить галстука и ездить на плохой машине. Европейская

Эдуард БОЯКОВ родился в 1964 году в дагестанском городке Кизил-Юрт. Мама — экономист, папа — инженер. Окончил факультет журналистики и международную академию менеджмента. Карьерная фабула: завлит Воронежского ТЮЗа, руководитель департамента компаний «Менатеп-Импекс», генеральный менеджер компании «Аджидо», «Сингапур», директор национальной театральной премии «Золотая маска». Первая зарплата — 70 рублей, последние продюсерские проекты — Пасхальный фестиваль в Москве, фестиваль «Новая драма», оперные постановки в Большом и Мариинском театрах

МОНОЛОГ УСПЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА

Я ХОТЕЛ ПОКОРИТЬ МОСКВУ, А ОНА ЗАВОЕВАЛА МЕНЯ

культура мне кажется сейчас мертвой.

В октябре девяносто третьего я увидел новую, совершенно неизвестную мне Москву. Я увидел зевак, стоящих на мосту и с интересом наблюдающих за танками, лупящими по Белому. Это было круто. Тогда я впервые почувствовал Москву как город бреда, как город-фантом, сюрреалистический, катастрофический, театральный. Такое «За стеклом», дубль первый. И понял, что с этого момента наступила иная эпоха, что отныне я живу в ином мире. Состояние, как в конце свадьбы, когда уже вечер, уже кто-то валается, кто-то дерется, невеста все еще в красивом платье, но уже почему-то плачет. Смотришь и думаешь: «Какая все-таки сложная жизнь».

Следующий мой этап начался в 98-м году. Это чувство города и себя как единого организма. Я здесь столько лет прожил, я здесь что-то сделал, здесь многое произошло. Он теперь — часть меня, и я — часть его. Сейчас мой дом в двух мину-

тах от Пушкинской площади. На День города, на Первое мая и другие праздники вся округа, все, кто живет между третьим кольцом и МКАД, устремляются сюда. Пушкинская площадь разбухает и превращается в зону с чудовищной энергией. Оккупированы площадки перед фонтанами, лавочки, парашюты. В каждом углу пьют пиво, поют, пляшут. Сумасшедшая энергия. И чувствуешь Москву во всей ее мощи снизу. Азербайджанцы на рынке неподалеку от дома уже выбирают мне дыню как близкому знакомому. Когда я возвращаюсь пешком с работы, проститутки возле перехода у «Макдоналдса» и их «мамочки», встречаясь со мной глазами, уже чуть ли не подмигивают. Я действительно в центре.

И квартира у меня совсем другая. Никакого ампира. Здесь закруглены все углы. Их нет даже на подоконнике. Мои молдавские строители никак не могли понять, чего я от них добиваюсь: «Хозяин, мы же хорошо стыки делаем!.. А если закруглять, то идеально не получится». Так и не-

надо идеально! Посчитали меня чокнутым. Скоро начну делать мансарду... Я специально выбрал квартиру на четвертом, последнем этаже, чтобы можно было перекрыть крышу и сделать мансарду. Мне хочется света и тишины, но не простой, а той, что в центре циклона, когда в двух минутах, в двух шагах от этой тишины — сумасшедший водоворот мегаполиса. Я учусь справляться с ним, не позволять себя закручивать.

Это трудно. Мой статус и финансовая независимость дают преимущество — я могу себе позволить работать с теми, с кем хочу, общаться с теми, с кем хочу. Этим преимуществом я пользуюсь интенсивно. Даже слишком интенсивно. Вот, например, вчера в час ночи завершился фестиваль «Новая драма», после — ужин в прекрасной компании: Федя Павлов-Андреевич, Саша Маркво, Пеллеин и Людмила Стефановна Петрушевская. В четыре меня ждали друзья в ресторане «Пушкин». В шесть утра я вернулся домой. В десять — переговоры. В двенадцать — первый прогон

«Осады» Гришковца, потом встреча в журнале «Вог» по поводу совместной классной выставки. Еще я должен успеть подготовиться к лекциям, которые читаю своим будущим конкурентам, студентам отделения театрального менеджмента Школы-студии МХАТ, а завтра утром — самолет в Ереван.

Для меня бешеный ритм — такой же кайф, как и медитирование в монастыре на севере Индии. Но это все равно проявление жадности. Ритм ритмом, но нужно же и спать. Потому что уже иногда переключивается. На фестивале фуршете ко мне подошла женщина и спросила, когда мы сможем поговорить. Я, решив, что это очередной драматург, приобнял ее за плечи и поинтересовался: «У вас какая пьеса?». И чуть не умер от стыда, когда оказалось, что это никакой не драматург, а юрист, с которым я уже не первый день утрясаю детали нового проекта.

Спасают постоянное нахождение за собой со стороны и понимание того, что играю роль, пусть даже на пределе: она кончится, я останусь. Придет время — пошло все к чертовой матери. Но пока роль длится, я должен с ней справляться. Это мой сегодняшний ритм, моя органика, это мое сегодняшнее ощущение Москвы и взаимодействие с ней. В противном случае я проиграю. Раз моя Москва взаимодействует со мною так — надо соответствовать ее вибрации. Если не попасть в ритм, сбиться, сразу начнется разрушение. Этот город не прощает ни промахов, ни усталости. Я видел несколько карьер. Очень интересно все происходило. У человека все

Из личного архива Э. БОЯКОВА